

А.В. Углева

Общественный идеал «аристократа духа» И.А. Ильина

Углева Анастасия Валерьевна – кандидат философских наук, PhD, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: aengovatova@hse.ru

В предлагаемой статье рассматривается проблема общественного идеала в этико-политической концепции русского философа-эмигранта, одного из идеологов Белого движения Ивана Александровича Ильина. Общественный идеал – это представление о наилучшем возможном социальном устройстве, которое в данном случае представлено как вероятностный результат деятельности так называемой «аристократии духа». В статье ставится вопрос о возможности определения общественного идеала с позиции интеллектуала, повествующего о нем как об «идее» в фактическом отрыве от народа, которому вменяется в обязанность покорность и уважение к власти, братская любовь, вера в Бога, Царя и Отечество как основа национального единства при фактическом пренебрежении его достоинством. Сомнение в обоснованности расхожего мнения о воззрениях Ильина как достойного идейного вдохновителя нынешних политических реформ в России вызывают не только возможность прямо противоположных толкований отдельных суждений самого русского философа о правосознании и национальном духе русского народа, но и его отношение к нацизму.

Ключевые слова: Иван Ильин, общественный идеал, аристократия духа, правосознание, солидаризм, непротивление злу

Где-то там мы одно... мы – русский народ... – там решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии.

И.А. Ильин

Трудно писать об идеях человека, безусловно, очень талантливого и одновременно чрезвычайно самолюбивого, пережившего столько потрясений за свою жизнь, что вряд ли красноречивее об этом сказал бы кто-то, кроме самого И.А. Ильина: «Пределы моих интересов: студия Станиславского и Психиатрическая клиника...». Театральность, свойственную Ильину во время публичных выступлений, а также эмоциональность и нервозность его натуры отмечали многие его современники. И было от чего. «Чтоб ты жил в эпоху перемен» – гласит известное древнекитайское проклятье. В Революцию 1905 г. Ильину исполнилось всего 22 года, в 30 лет он встретил Первую мировую войну, в 34 – Февральскую и Октябрьскую Революции,

а в 39 был выслан из России на знаменитом «философском пароходе». Революция 1917 г. сделала из Ильина политического диссидента и изгнанника.

Иван Ильин – одна из самых неоднозначных фигур в среде русской эмиграции. По иронии судьбы он оказывается сегодня фаворитом правящей элиты России, которая активно растаскивает его труды на цитаты, внося значительную лепту в формирование его весьма противоречивого образа. 4 октября 2005 г. в Донском монастыре в Москве состоялось торжественное перезахоронение останков двух крупных руководителей Белого движения – философа Ивана Ильина и генерала Антона Деникина. Это событие вызвало общественный резонанс. Одни посчитали его исключительно политическим пропагандистским актом, другие – возвращением на Родину мощей истинных сынов России, настоящих патриотов. Тем более, что Ильин нередко говорил, что хотел бы быть похороненным на Родине. И действительно, отказать Ильину в исключительно трепетном отношении к своему Отечеству, к своей истории и культуре ни в коем случае нельзя. Хотелось бы добавить и к «народу», однако отношение к нему в трудах Ильина далеко не однозначное. Не случайно в 1917 г. он писал своей двоюродной сестре: «Я прежде всего сейчас патриот, стоящий за настоящую аристократию духа» [Ильин, 1999, с. 93]. Ту же мысль Ильин повторил в «Задачах момента», которые презрительно называл «пасквилями для народа» [там же, с. 92].

Отличительной чертой этой «аристократии духа» является воля к порядку, символом которой стала Февральская революция, обнажившая разложение воли верховной власти, переставшей быть орудием народного и государственного самосохранения. В работе «О сущности правосознания» Ильин пишет, что бессознательное повиновение влиянию материального фактора истории и телесным зовам умаляет достоинство духа человеческого, ибо «достоинство его в том, чтобы быть творческой причиной, творящей свою жизнь по высшим целям, а не пассивным медиумом стихийных процессов в материи... Но для того, чтобы овладеть этим даром и использовать его во всей его миропреобразующей силе, дух человека должен овладеть своей собственной стихией – стихией неразумной и полу-разумной души... ибо душа есть необходимое творческое орудие мироустроения» [Ильин, 1994а, с. 152]. Она способствует объективности предметного содержания права, основанного на единстве в понимании правоты между людьми, которая постигается только через «внутренний опыт, через подлинное, предметное испытание и раскрытие естественного права», осознание содержания которого кладет начало зрелому естественному правосознанию [там же, с. 157]. Основанием для такого утверждения является убежденность Ильина в том, что «человеку дано от Бога и от природы некое «инстинктивное чувствилище для объективно-лучшего» [там же, с. 231]. И хотя у большинства людей правосознание остается смутным, слабым и беспредметным, невозможно не иметь никакого правосознания вовсе в силу наличия других людей и необходимости организовать с ними общежитие.

Предметное же правосознание Ильин называет естественным и полагает его проявление в свободном акте воли, благодаря которой эта объективная правота между людьми превращается в цель их совместного сосуществования. От зрелости естественного правосознания напрямую зависит и развитость позитивного права, его сила и справедливость. «...Так как умение всегда зависит от сердца, которое любит, и от воли, которая выковывает и воспитывает умение, то вся эта великая неудача в деле правотворчества покоится на всеобщем, исторически устойчивом очерствении сердец и недостатке воли к правому праву» [там же, с. 158]. Нормальное же правосознание есть воля к цели права, а значит и способность бороться за него, будучи благородной и непреклонной духовной силой. Но современное правосознание проникнуто релятивизмом, т.е. право в сознании большинства людей всегда определено местом и временем, от чего лишается своей обязательности

и рассматривается ими лишь как удобное средство для защиты или нападения. Тогда как истинное правосознание не редуцируемо к знанию конкретной области позитивного права для разрешения той или иной жизненной коллизии, но требует воли, чувства, воображения, наличия некоторого высшего, предметного мерила, активности и творчества.

Ильин сетует, что люди, как правило, не знают законов своей страны, а потому часто пренебрегают своими обязанностями, будучи обреченными на правовую невменяемость. «Самая сущность, самая природа права в том, что оно творится сознательными существами и для сознательных существ, *мыслящими субъектами* и для *мыслящих субъектов*» [Ильин, 1994а, с. 160]. Право должно приобрести форму объективного смысла, и только тогда оно введет в общественную жизнь начало разумного и справедливого порядка.

Нормальное правосознание требует систематического мышления, регулярной методической работы, в ходе которой личность способна осуществлять тщательнейший анализ того, что, при каких обстоятельствах и с какой санкцией вменяется в обязанность, запрещается или дозволяется. Такой анализ не может осуществить личность, не пережившая определенный внутренний опыт, который состоит не только в опыте религиозного созерцания, но и в познании истины, очевидности, добра и совести, природы красоты и художественного вкуса [там же, с. 173]. Иначе говоря, обладание зрелым правосознанием предполагает определенный уровень владения философской культурой. А это означает, что далеко не всякий человек компетентен судить о понятии и сущности права и, соответственно, пользоваться своим умом в отправлении правосудия. Напротив, большинство удовлетворяется правом позитивным, для которого характерны «гетерономная установленность, приблизительность содержания и возможность угрожающей санкции» [там же, с. 200]. И хотя Ильин опровергает возможный дуализм позитивного и естественного права и видит во втором «минимум правоты», а также «имманентное, но недоразрешимое задание» позитивного права, он тем не менее отказывает простолыдину в зрелости его правосознания.

Нормальное правосознание, согласно Ильину, требует принятия таких аксиом, как законы духовного достоинства, понимаемого им как право на отстаивание своей позиции, т.е. право, основанное на свободной и уважающей себя воле; автономии как внутренне свободного исполнения общественных и государственных обязанностей; и взаимного признания [там же, с. 231]. Очевидно, что обладать таким развитым правосознанием могут лишь немногие. Большинство довольствуется слепой покорностью внешнему повелению из чувства страха или корысти. Не случайно Ильин в «Наших задачах» вводит понятие творческой демократии как общественного идеала в ее противопоставлении западному либерализму. Их принципиальное различие он видит в том, что первая основана на внутренней духовной свободе индивида, немислимой вне единения с национальной духовной культурой и духовного развития отдельной личности как части этой общей культуры, тогда как второй – на внешней свободе индивида, предопределяемой историческими обстоятельствами и социальной средой, а не самой личностью. «Творческая демократия» требует определенного уровня развития правосознания граждан вследствие достижения определенной ступени их внутренней свободы, проявляющейся в способности личности вести жизненную борьбу за право в правотворчестве (за регулярное обновление правовых норм и за осуществление справедливых полномочий и обязанностей) [там же, с. 213]. Поскольку общество как целое к этому не готово, то в политическом плане Ильин полагает необходимым установление промежуточной мягкой формы диктатуры после коммунизма. А в общественном – осуществление качественного отбора «лучших», или так называемой аристократии духа.

В ее определении, помимо зрелости присущего ей правосознания, особое значение приобретает понятие патриотизма. Воля к Духу, отличающая «лучших», или воля к Добру, способствует их перманентной заботе об исправлении социальной действительности на основе принципов справедливости, взаимного уважения и признания достоинства каждого человека. Патриотизм является плодом нормального правосознания, ибо человек, выросший в известном правовом порядке, должен осознавать себя обязанным правовой культуре своего отечества: «Благодаря этому принадлежность к известному государственному союзу начинает определяться уже не столько нуждой и страхом, но чувством долга, чести и признательности. Житейский интерес “патриота” приобретает моральный смысл, а тяготение к родине – естественно-правовую основу» [там же, с. 243–244]. Своего рода освящение патриотического поведения личности подтверждают слова Ильина о том, что «с человеком, исполняющим свой долг, не может случиться зла ни в жизни, ни по смерти» [Ильин, 1923/24, с. 372].

Патриотизм присущ только той самостоятельной и самобытной душе, которая в своем собственном опыте испытала и пережила безусловное достоинство своего предмета, а значит, патриотизм в основе своей есть акт духовного самоопределения. В основе патриотизма, согласно Ильину, лежит некоторая сопринадлежность, однородность в способах духовной жизни людей, разделяющих эту идею [Ильин, 1994д, с. 249], что способствует их интенсивному взаимодействию, в том числе на пути реализации совместных творческих усилий в национальном строительстве. При этом каждое настоящее духовное достижение в науке, в искусстве, в религии или в морали является не национальным, но общечеловеческим достоянием, позволяющим выйти на эмпирические границы человеческих сообществ, подтверждая тем самым единство и братство всего человеческого рода. Однако, «денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны» [Ильин, 1991, с. 83], т.е. человек нуждается в корнях как ключевом факторе своего самоопределения.

Ильин обращает внимание на различие между любовью к родине, к народному духу и инстинктом группового, в том числе национального, самосохранения. Разница между ними состоит в том, что воля и любовь к отеческому Духу дает возможность познать его сверхнациональную, общечеловеческую сущность, препятствующую межнациональной ненависти и презрению других народов, включая их все в общемировой правовой порядок как совокупность национально-автономных государственных союзов. Государство «есть *духовное единство людей*, ибо в основе его лежит *духовная связь*, предназначенная для того, чтобы *жить в душах и создавать в них мотивы для правильного внешнего поведения*». Человек же, лишенный политического самосознания, т.е. не сознающий себя по тем или иным причинам частью конкретного сообщества граждан, пребывает, согласно Ильину, «в состоянии первобытной наивности и политической невменяемости», что делает его «бессмысленным орудием чужой воли» [Ильин, 1994д, с. 260–261]. Тогда как осознание своей политической принадлежности предполагает добровольное, волевое, содержательное самообязывание, т.е. «*духовное вменение себе публично-правовых полномочий, обязанностей и запретностей*». Это обстоятельство важно не только для самоопределения отдельной личности, но и для успешного развития целого государства.

Политическая/общественная жизнь есть вид духовного со-творчества граждан, а государство – единение духовно солидарных людей, объединенных патриотической любовью и самоутвержденной волей. Опять же, вне системного мышления политическое правосознание, как пишет Ильин, смутно и беспредметно, и чтобы мысль, чувство и воля каждого были употреблены на общественное благо, должно произойти принятие государства как предметно-духовного интереса. «Государство

необходимо и приемлемо именно потому, почему необходимо и приемлемо положительное право: незрелое состояние человеческих душ, одержимых наивно-порочным, эгоистическим тяготением и не умеющих мотивировать свое внешнее поведение самостоятельным признанием естественной правоты, – делает государство необходимым и целесообразным способом поддержания *естественного права* через его *положительно-правовое* провозглашение и вменение» [Ильин, 1994д, с. 264–265]. Государство в свою очередь призвано ограждать и организовывать духовную жизнь своих граждан. Вождем такого государства может и должен быть «патриот», способствующий своей деятельностью расцвету духовной жизни своего народа.

Ильин подчеркивает практическое расхождение между таким образом понимаемой идеей государства и тем, в каких конкретных исторических формах она воплощается. Проблему он видит в корпоративной природе государственности, которая в действительности реализуется в государственном учреждении. Он видит возможное решение этого внутреннего противоречия между государством как корпорацией и государством как учреждением в попытке их синтетического единства, но оговаривается при этом, что такой синтез возможен лишь «при соблюдении *аристократической* природы государства» [там же, с. 277].

Корпорация основана на солидарности, одинаковом интересе к общему, что конституирует единый субъект действия, тогда как учреждение, напротив, предполагает нескольких возможных субъектов с различными интересами и полномочиями, причем действующими по принципу опеки над ними, как если бы речь шла об авторитарном типе государства. Причем в благо каждого отдельного субъекта государство-«опекун» может быть не заинтересовано вовсе, но при этом оказывать всем равную поддержку. В таком государстве-учреждении не существует общности и единого правового бытия. Корпоративное же устройство основано на зрелом правосознании граждан, обуславливающим их единство, однако абсолютное требование такого зрелого правосознания утопично по своей сути в силу того, что в любом обществе есть граждане, которые в силу возраста, состояния здоровья или иных объективных причин не способны принимать полноценное участие в творчестве публично-правовой корпорации. А это означает, что исторически даже самое совершенное государство возможно лишь как совмещение черт корпорации и учреждения и поиска наилучшей комбинации их солидарного самоуправления и опеки со стороны властей путем перманентной заботы о повышении уровня правосознания граждан.

В таком государстве властвующий (или властвующие) является источником естественной правоты, субъектом, способным к постижению Духа и Права, обладающим исключительно развитым правосознанием, в отличие от большей части остального общества. Ильин признает естественным социальное неравенство, более того, считает его условием общественной справедливости, тогда как «формальное уравнение может только разрушить это живое и согласное единство разно-действующих сил». «Сущность ее не в слепоте к человеческим различиям, но в *признании* их и в *приспособлении* к ним» [там же, с. 306–307].

Ясно, что такое распределяющее отношение к справедливости предполагает и правовое неравенство граждан при наличии духовного «ценза», с которым общество должно благоразумно согласиться. Власть, согласно Ильину, в любом государстве должна принадлежать «лучшим» – аристократам, «способным к бескорыстному служению духу» и «к социальной организации братства... Народ же учреждает или приемлет власть для того, чтобы жить и созидать...» [там же, с. 283]. При этом лучшие уполномочены императивно осуществлять государственные цели в силу того, что они обладают высокой квалификацией личной души.

По сути, речь у Ильина идет о меритократии. Происхождение или материальный достаток отдельных людей не должны иметь при выделении «лучших» никакого

значения. Важен лишь исключительный талант и политическое «благородство» личности, проявляющееся в воле и правосознании «искренних патриотов, государственно мыслящих, политически опытных, умных, волевых, организационно-даровитых, дальновзорких, образованных» [Ильин, 1992б, с. 128]. Народ же как масса управлять государством в принципе не способен и представляет собой лишь «единство, требующее волеуправления». Для описания аристократии духа Ильин вводит понятие ранга, разделяя «действительный ранг», как «присущее человеку качество», и «социальный ранг» – те права и обязанности, которые закрепляются за человеком обществом и государством при наделении его властными полномочиями. Их эффективное сочетание должно обеспечить аристократу «социальный авторитет» при третьем условии – наличии и постоянном проговаривании аристократией национальной идеи, рожденной ею в волевом творческом акте. Ранг в жизни, согласно Ильину, необходим и даже неизбежен [там же, с. 276–277]. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью, строгостью к себе и, как следствие, беззавистной почитательностью у нижестоящих. Новая же национальная идея должна быть «религиозной по истоку и национальной по духовному смыслу» [Ильин, 2005, с. 169].

Государство же является надисторической данностью, вручаемой человеку для заботы. Национальное государство – основа человеческой солидарности, ее гарантия, которая у каждого народа своя и каждый отдельный народ имеет возможность обустроить ее под себя, под свои духовные основы, под свои традиции, – такова его историческая и религиозная обязанность [Ильин, 1994б, с. 195]. Солидаризм проникает во все сферы жизни общества, затрагивая с необходимостью и публичную и частную сферы. В этом смысле общественный идеал как таковой абсолютен в силу своей всеобщности и одновременно телеологичен, поскольку служит отдельному человеку и обществу конечной целью их деятельности. Главная функция общественного идеала – это его место в критической картине мира человека и общества, что только и может делать возможным непрерывное совершенствование общественной жизни, приведение ее содержания в соответствие с высшими идеальными требованиями, с высшей нормой. Идеал задает канон общественного поведения, а для образцовой государственности требуется развитое правосознание, ибо «человек, имеющий здоровое правосознание, есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои и чужие полномочия, обязанности и запретности» [Ильин, 1992б, с. 6].

В статье 1926 г. «Черносотенство» Ильин пишет, что «государство и государственная власть суть учреждения не классовые, а всенародные; их задача в созидании общего блага, а не личного и не классового. Люди могут расходиться в понимании общего блага, но не смеют ставить чью бы то ни было частную корысть выше интереса родины. И если они это делают, то они разрушают государство и родину» [Ильин, 2021]. Но тогда нужно допустить, что идеал, которым следует руководствоваться для улучшения государства, должен быть разумно признан в таком качестве всем народом, т.е. всем сообществом граждан, вне каких бы то ни было сословных и иных ограничений. Но «общество», о котором говорит Ильин, как будто не имеет отношения ко всему многонациональному народу России в его целостности. Более того, если о последнем Ильин и говорит, то часто использует такие термины, как «толпа» или даже «деморализованное стадо», которому вряд ли возможно доверить выработку общественного идеала. То есть общественный идеал у Ильина оказывается доступным не простому обывателю, но исключительно просвещенной части общества.

В этом контексте рассуждая о возможном политическом устройстве России, Ильин утверждает, что любое «государство, пытающееся быть демократией ценою своего государственного бытия, – есть нелепое и обреченное явление... Демократия

как начало антигосударственное не имеет ни смысла, ни оправдания; она есть *охлократия*, т.е. правление черни...» [Ильин, 1994д, с. 290]. Если демократия и может быть признана, то лишь тогда, когда она способна выделить лучших: «Безумно вводить в стране демократию, чтобы погубить государство и народ, как сделали в России в 1917 году». Демократия оправдывает себя, если она «осуществляет подлинную аристократию... а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно лучшие силы народа...» [Ильин, 1992б, с. 128].

Бескрайние просторы России, бесхарактерность, отсутствие воли и дисциплины у русского народа делают «немедленное и любой ценой» установление демократии на ее территории нецелесообразным: необходимо предоставить гражданам лишь ту дозу свободы, которую они могут эффективно использовать, ограничивая предоставление права голоса только наиболее сознательным из них. Именно поэтому эгалитаризму Ильин предпочитает «идею ранга». Неравенство – от Бога, убежден Ильин. «От людей, которые не любят ничего высшего и не верят ни во что божественное, будут сторониться, их будут обходить. С людьми, у которых нет очевидности, не будут разговаривать, – ибо с трупами не беседуют... Люди, лишенные чувства собственного духовного достоинства, займут последний ранг в обществе. Люди, неспособные к автономному существованию, будут обуздываться и клеймиться. Россия вступит в эпоху орденских и рыцарских организаций» [Ильин, 1994г, с. 485]. Он противопоставляет формальную, арифметическую, механическую концепцию демократии органической ее форме, в которой общий интерес преобладает над частным, тогда как условно механическая (демократическая) концепция открывает путь для всех политических авантюр и революций, имевших место от Руссо и французских энциклопедистов до анархистов и либералов. Власть должна быть сильной, централизованной, не тоталитарной (ибо тоталитаризм отрицает свободу и инициативу граждан), но наделенной аппаратом принуждения, который, однако, не должен подменять духовный авторитет власти. «Сила власти – это *авторитет, единство, правота цели, организованность и исполнительность понудительного аппарата*, – все это образует самую основу государственного бытия» [Ильин, 1994д, с. 293]. Сила власти в России заключается, по его мнению, в ее достоинствах – ее национальном и религиозном характере (что обеспечивает ей православию), в ее моральном авторитете, ее воле и независимости (экономической и идеологической) от заграницы. «Мы сами беспризорные дети; потому не наша печаль чужих детей качать... Россия перед нами. А ей необходимо русское рыцарство: *новое служение по-новому служащих новых служилых кадров*... Быть рыцарем – значит свободно и цельно любить что-то Высшее и связаться с ним через очевидность до одержимости, через веру до волевых поступков... Быть рыцарем – значит закалять свой характер; значит утопить свое малое “я” в великом, национально-патриотическом “мы”... значит построить свою жизнь на свободном повиновении Предмету и Вождю... значит вносить во все дела дух неуравнивающей справедливости, нести своему народу – братство, слабому – защиту, злему – грозу!» [там же, с. 486–487]. Здесь же Ильин подчеркивает, что «правых, сильных и верных» всегда меньшинство, но с него всегда начинались большие движения.

Русский же народ, не обладающий пока зрелым правосознанием, нуждается в покаянии и очищении: верующим людям для этого требуется следовать церковному порядку, а нерелигиозным – обратиться к светской литературе и очиститься в порядке общего делания. При этом Ильин как будто вменяет русскому народу перманентное чувство вины, вследствие чего правосознание народа должно проявляться в его лояльности, справедливости, братскости, верности чести и Отечеству, а также в новом чувстве и праве частной собственности, сопровождающемся не разнузданностью страстей, а волей к труду, качеству, изобилию, щедростью как публичной

обязанностью собственника [Ильин, 1994д, с. 273–274]. В живом единении с Богом и с ближним в искреннем боголюбивом человеколюбии христианской религией сообщается человеку «новый подход ко всему миру, а потому и к праву, и к государственной жизни» [Ильин, 1994б, с. 219]. Важно сохранить, убежден Ильин, самобытность традиции как культурную основу жизни народа: «...Россию мы должны понимать как живое, органически-историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами» [Ильин, 1992а, с. 66].

Однако народ в России не знает своей истории, поэтому Ильин призывал русских быть «эмпириками» духовно-правового опыта и воплощать аксиомы правосознания не с оглядкой на Запад, а на собственную историческую и политическую данность. Это рассуждение Ильина основано на видении им будущего России как русско-наследственного государства, а не слепого следования опыту иных государств, сверхнациональные отвлеченные формы жизни которых в корне, по его мнению, противоречат духу русской истории. Так, невозможно, по его убеждению, построить новую Россию на основе классового интереса и классовой борьбы: «...гибельным и преступным является поведение властвующих групп и классов, если пользуются недееспособностью народа для того, чтобы подменить государственный интерес – классовым и удержать народное правосознание на низменном уровне» [Ильин, 1994д, с. 286]. Та же демократия здесь не есть ни высшая, ни самостоятельная цель. «Так называемая “народная воля” имеет ценность лишь постольку, поскольку она верна политическому содержанию; вне этого она оказывается лишь дурным возделением толпы...», «демократия ценна и допустима лишь постольку, поскольку она создает аристократическое осуществление государственной цели, т.е. служит общему делу власти, права и духа» [там же, с. 290].

В концепции Ильина наряду с понятием духа нередко встречается термин «духовность», которым им обозначается совокупный продукт жизнедеятельности отдельных людей, спаянных единой целью в осуществлении высших предметных ценностей [там же, с. 336]. Такой целью может быть, например, активное сопротивление очевидному злу в условиях сознания своей правоты, ведь «сущность жизни состоит в действии, и притом в целесообразном действии; способность же к такому действию есть живая сила» [там же, с. 293]. «Самое сопротивление злу, как таковому, всегда остается делом благим, праведным и должным. Чем труднее это сопротивление, чем с большими опасностями и страданиями оно сопряжено, тем больше подвиг и заслуга сопротивляющегося. Но то, что совершает сопротивляющийся мученик в борьбе со злодеями, не есть ни совершенный, ни святой, ни праведный ряд поступков... это есть негреховное (!) совершение несправедности... Нельзя налагать абсолютный запрет на силу и меч; ибо обращение к ним может быть нравственно и религиозно обязательным» [там же, с. 195]. На этом Ильин предполагал построить новую русскую этику.

Ее суть в том, что благодаря присущей каждому человеку от Бога и от природы воле к Духу «человек незаметно для себя вовлекается в естественно правовой порядок общечеловеческого братства» [там же, с. 241] и как часть общественной и политической системы он сопричастен так называемому «субстанциальному Добру, Божественной “силе очевидности”... вне зависимости от своих личных мотивов» [Будрайтскис, 2016, с. 151]. «Очевидность, – пишет Ильин, – не сводится ни к мнению, ни к познанию, ни к вероятности, ни к приятию чего-то за истину... В очевидности не человек охватывает истину умом, а истина охватывает человеческое сердце, и воображение, и ум» [Ильин, 1994г, с. 477]. И в этом проявляется способность человека, обладающего сильной волей к Духу, быть на службе всему человечеству.

Исключительность русского народа Ильин видел в том, что православие дало ему «освобожденную, свободную очевидность, дар и способность обращать себя

к Богу... И этот драгоценный дар – нелицемерного, искреннего, убежденного и преданного повиновения, свободного повиновения, сердечной лояльности, верноподданного и вернопреданного служения...» [Ильин, 1994г, с. 483–484] есть свидетельство того, что его религиозность – состояние сугубо духовное. «Религия как осуществление “царства Божия” невозможна вне права и его признания, то есть вне правосознания... Потребность в религии порождает потребность в духовной свободе, а потому и в *правопорядке*» [Ильин, 1994д, с. 390], не допускающем очевидного Зла. Религиозность возникает там, где человек выходит из состояния безразличия и, следуя к лучшему, преодолевает свой индифферентизм наравне с другими в силу объективности декларируемого ею идеала совершенства и отказа от всякого субъективизма и релятивизма. Плененность совершенством, по Ильину, порождает в душах всеобщую любовь и благодарность. «Религиозность пробуждает в душе способность к жизнеопределяющей любви... воспитывает в человеке *духовную зрелость*, духовную цельность и жизненный героизм» [там же, с. 401].

При видимой цельности и безупречности созданной Ильиным религиозно-патриотической концепции общественного идеала она, на наш взгляд, опровергается уже самим Ильиным. Возникает парадокс, когда в концептуально оформленной моральной философии авторитарного православного государства утверждается единство духовного и политического, но «государство, являясь “органом Добра”, не только не тождественно этому Добру, но и требует постоянного применения силы, пыток и казней» [там же], что вполне созвучно убеждению и самого Ильина в том, что «властвующий должен сделать из своей воли... силу, предметно одержимую государственной целью» [там же, с. 294]. Не случайно в этой связи и то, что критика толстовского идеала непротивленчества, основанная на православном мировоззрении, из призыва к личной борьбе против очевидного зла перерождается у Ильина в политический призыв: когда утрачена государственность и моральный закон, истинное христианство призвано одержать победу посредством Любви над безвольным пацифизмом, потворствующим злу как стремлению всякого индивида к произволу.

Превозможение этой естественной природы человека требует его сознательного волевого усилия, к которому в наибольшей мере склонен вооруженный христианской моралью воин. Его преимуществом Ильин считает способность осознания опасности собственного внутреннего зла, своей несправедности, и ее притяжения как неизбежности своего служения. Всякое проявление жалости, например, оказывается противно истинной природе воина как «аристократа духа», ибо тем самым, согласно Ильину, он отступает от субстанциального Добра и поддается искушению Злом, неосознанно подменяя мнимое Добро принявшим его обличие Злом. Так Ильин признает применение насилия в интересах Добра не только допустимым, но необходимым, но только в том случае, если любая воинская дисциплина (имеем ли мы дело с христианским «воином» или с наемным или призванным в армию солдатом) предполагает «волевою организацию личной души, сохраняющую за человеком характер автономно действующего духа с его сознательностью, сердечной преданностью и волевою инициативой» [там же, с. 348]. Не случайно речь идет о моральном идеале воина, руководствующегося в своей жизни ценностями православия. Кому, как не воину, знать ценность жизни, ведь «когда смерть вопрошает душу, то душа отвечает верою» [Ильин, 1994б, с. 54] в то, ради чего он готов был отдать свою жизнь.

Показательно, что на это же время приходится увлечение Ильина итальянским фашизмом, которому он посвятил серию статей в новой газете П.Б. Струве «Возрождение». Итальянский фашизм, выдвигая идеи *солдато* и *сакрифицио* как основные гражданственные идеи, вполне, по мнению Ильина, соответствовал историческому предназначению России, история которой характеризуется миссионерством,

колониаторством и закрепощением сословий. В том же духе Ильин рассуждал о социальной справедливости, полагая, что если бытие народа и отечества потребует известной меры несправедливости, то она должна быть принята и покрыта ореолом жертвенности. При этом ничто не мешает Ильину утверждать в то же время, что политика в России нуждается в большой идее, чистых руках и жертвенном служении со стороны волевых, высоконравственных, хорошо образованных и обладающих профессиональной квалификацией личностей.

В самом духе национал-социализма Ильин черпает идеи, созвучные его собственному видению будущего России: «Патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское “sacrificio”), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение... Словом – этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения...» [Ильин, 1933]. Отвержение классово-борьбы в пользу солидаризма и интернационализма в пользу государственного национализма делало эту идеологию весьма привлекательной в глазах Ильина, который был выходцем из русско-немецкой семьи, хорошо владел немецким языком, долгое время учился в Германии и работал в нескольких известных центрах немецкой науки и философии: в Гейдельберге – у Вильгельма Виндельбанда, в Гёттингене – у Эдмунда Гуссерля, в Берлине – у Георга Зиммеля [Кара-Мурза, 2015]. Он своими глазами наблюдал приход к власти Гитлера и даже был утвержден нацистами в качестве руководителя «Русского института» в Берлине вместо С.Л. Франка, где проработал в общей сложности 11 лет (с 1923 по 1934 гг.) и был уволен тогда, когда отказался от сотрудничества с фашистским режимом, в частности, в реализации им антисемитской политики. Ильин вынужден был эмигрировать в Швейцарию, где прожил до конца своей жизни под запретом вести какую-либо политическую деятельность.

Тем не менее, еще за год до увольнения, в статье 1933 г. «Национал-социализм. Новый дух» Ильин сетовал на то, что «Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится... Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом... К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту переключку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор... Я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев... То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот... Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе... Сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию – европейской культуре дается отсрочка... То, что совершается, есть великое социальное переслоение; но не имущественное, а государственно-политическое и культурно-водительское... Ведущий слой обновляется последовательно и радикально... По признаку нового умонастроения... Удаляются те, кому явно неприемлем «новый дух»... Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах... Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству» [Ильин, 1933].

Достаточно много сказано об отношении Ильина к нацизму, о том, как это негативно сказалось на его репутации в среде русских эмигрантов. Однако нет никаких убедительных свидетельств того, что эти отношения были идейной ошибкой русского философа. Конечно, можно сослаться на контексты, в частности, на то, что Ильин был столь увлечен идеей борьбы с большевизмом, что позитивно воспринимал любую попытку противодействия этой угрозе (И.М. Евлампиев) вплоть до того,

что примкнул к крайне правому крылу русской эмиграции с ее культом военной силы. Можно даже допустить, что он совершил теоретическую ошибку, будучи убежденным в априорной благости Духа и воли к Духу [Поповкин, 2015, с. 45], что обусловило его подчинение общей народной эйфории и поднятию национального духа в Германии в связи с идейными основаниями национал-социализма. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что эта сознательная или бессознательная ошибка фактически поставила под сомнение его общественный идеал для будущей России.

Этот идеал утратил по сути свою регулятивную функцию, а плоды родственного учению Ильина национал-социализма, казалось, должны были нивелировать соответствующие параллели с идеями русского мыслителя. Эти параллели, которые проводил сам Ильин, к тому же предполагали отказ от идеала всеобщего братства, христианской аскетической, всепрощающей жертвенности в качестве высших ценностей и целей человеческого служения, в их идеях не оказалось по сути места терпимости, как и уважению достоинства личности и прав человека. Если согласиться с этим тезисом, то придется признать правоту Сувчинского, который в своем письме Трубецкому от 29 декабря 1922 г. писал: «Несколько раз видал<ся> и с Ильиным и теперь нашел способ общаться с ним. Он замечательный человек, но все-таки внутренней религиозности пока в нем не вижу. Не чувствует он антиномии христианства и если когда осуществляются на земле его идеи и идеалы, то я право не знаю как назвать такую эпоху – христианской или антихристовой» [Колеров, 2021]. Такая амбивалентность воззрений Ильина несколько не прибавляла ему авторитетности, но увеличивала возможность для вариативного истолкования его идей противоположными идеологическими программами, что заставляет в очередной раз поставить вопрос о социальной ответственности интеллектуала за те идеи, который он активно развивает на страницах своих многотомных сочинений, в периодических изданиях и в публичных выступлениях, неизменно производя неизгладимое впечатление на своих слушателей благодаря своему ораторскому искусству и исключительной эрудиции.

Хорошо известно, что после войны акценты, которые Ильин делал в своих оценках фашизма Муссолини и Гитлера, сместились от восторгов сначала к простой констатации необходимости и неизбежности фашизма как национальной, патриотической и социальной реакции на хаос и левый тоталитаризм, а затем и к прямой его критике и упреков в идейных ошибках, которые Ильин увидел, наконец, в его антихристианской направленности, в попытке установить монополию партии на «завоевание и уничтожение других рас и национальностей» и национализировать экономику, вооружившись идолопоклонническим цезаризмом. Франко и Салазар, по словам Ильина, поняли это и пытались избежать этой ошибки [Ильин, 1992б, с. 76–77]. Тем не менее, как с сожалением заметил в 1938 г. Г. Федотов (с которым Ильин состоял в идеологической полемике), многие христианские души естественным образом тянутся к деспотизму и тоталитаризму. И действительно в 30-х гг. некоторые эмигранты видели именно в Гитлере возможность победить большевизм. В частности, это было характерно и для младоросса А.С. Казем-Бека, почитателя Муссолини, Гитлера и Сталина, который в 1956 г. вернулся в СССР и оказался на службе у Московского Патриархата [Massip, 2000]¹. Не был исключением и Ильин, сотрудничавший с Русским научным институтом в содружестве с Министерством пропаганды и даже получивший личную благодарность от шефа гестапо. Сам Ильин отмечал, что многие, духовно утомленные годами изгнания, утрачивали веру в нравственную

¹ Манифест младороссов (1923) гласил, что возвращение человеческого общества к учению Христа, реорганизация образа жизни и нравов, единение людей с духом, пропитанным основами христианства, здоровый национализм и патриотизм – таковы неперемненные условия «сопротивления сил добра силам зла».

необходимость борьбы и соблазняются мыслью о греховности «насилия», которое они начинали усматривать в активном противодействии злу. Ильин отмечал частный характер бесед, отличавший русскую эмиграцию, в среде которой царил болезненный и беспочвенный разброд в силу ее политической инертности и невежества. Однако сам Ильин таковым, очевидно, не был, потому еще в апреле 1917 г. писал, что спасти Россию может только военное патриотическое наступление на революцию.

После разочарования в национал-социализме Ильин уже в 1950-х гг. опубликовал ряд статей о русском национализме («О русском национализме», «Опасности и задания русского национализма» и др.). Он отверг партийную систему и сформулировал тезис о радикальной инаковости православного мира, противостоящего католицизму, основанному на подчинении власти и уповающему на волю в своем служении Богу, а также протестантизму, апеллирующему к человеческому разуму. Ильин же призывает верить в Россию, т.е. видеть и осознавать, что ее душа коренится в Боге и что источником ее развития является любовь и вера. Подлинный русский «национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание» [Ильин, 1992б, с. 363–364]. В его основе лежит вера в то, что достойно любви, борьбы и жертв. Не случайно у Ильина появляется идея воспитания духовно-патриотических военных структур, на которые должна опереться новая государственность. Представители именно этих структур обладают способностью к автономному суждению, в отличие от народа, который не только не должен сопротивляться их власти, покорно подчиняясь велению их разума, но и в принципе в своих суждениях жалок. Они и есть то национальное рыцарство, которое не только обладает истинным духовным характером, но и способно распознавать людей и их духовность, их силу и их ранг в силу своей им причастности. Отсюда, собственно, и противление Ильина либеральной демократии и народовластию, и его вера в «национального вождя», в верности которому народ должен послушно присягнуть и за которого он должен быть готов отдать свою жизнь, как и за Бога и за Отечество [Ильин, 1994г, с. 484].

Нет ничего удивительного, что путинская власть позаимствовала именно у Ильина идею консервативной авторитарной демократии с сильной центральной властью – имея в виду «вертикаль власти» и «суверенную демократию» (концепцию, предложенную В. Сурковым еще в 2005–2006 гг., оправдывающую централизацию), иными словами, «управляемую демократию». В свое время с Ильиным вполне солидаризировался и А. Солженицын, считавший, что преждевременное введение демократии в России было бы для нее фатальным. Авторитарный (но не произвольный) переходный режим ей необходим, чтобы избежать хаоса февраля 1917 г., открывшего путь тоталитаризму. Причиной тому является «политический индифферентизм и упадок правосознания» русского народа, когда нарушается доверие людей друг к другу и неорганизованной массы народа к политике вообще, ею начинает двигать «слепая вера во всемогущество “революционного акта”, в созидательную силу разрушения... а слепая борьба заставляет... судорожно хвататься за все средства и не останавливаться ни перед какими мерами» [Ильин, 1994д, с. 304–305]. Действуя таким образом, максималисты начинают искажать и извращать не только идеальную цель, но и окружающую действительность, и вместо того чтобы придать борьбе организованную форму и политический характер, втягивают массы в гражданскую войну, в бесконечные состязания сильных и ловких правонарушителей. Для сопротивления возможным дурным последствиям таких действий властей, порожденных их слепотой, ненавистью и жадностью, должно начать с «демократии малых пространств», следуя примеру швейцарских кантонов или земств, этого регионального органа самоуправления, созданного еще при Александре II. Любопытно, что радикальный правый консерватизм, имея много общего с левым национализмом,

а именно – защиту российской идентичности, антисемитизм и антизападничество, отличается от него только ссылками на свои теоретические источники. Отсылки делаются уже не к Сталину, а к черносотенцам, к «Майн Кампф», Розенбергу, Геббельсу, ультраправым эмигрантам, сплотившимся на стороне Гитлера, к оккультнистским работам Юлиуса Эволы, диктаторам – от Муссолини до Франко и Пиночета. Такова, собственно, теоретическая почва, на которой, по сути, возвращаются новые русские правые, нередко ссылающиеся как на свое идейное основание на идеологию новых французских правых Алена де Бенуа и журнал “Éléments”. Именно с их стороны раздаются призывы к «национальной революции» (антизападной и антисемитской одновременно) с нацистским подтекстом, а также появляются многочисленные консервативно-националистически-ортодоксальные проекты вроде «Пятой империи»² или «Русской доктрины» [Русская доктрина, 2016], – осуждающие либеральную интеллигенцию как изменницу Отечеству (со времен Петра Великого) с опорой именно на Ильина и Церковь.

Приходится признать, что идея общественного идеала Ильина – это умелое жонглирование метафизическими по сути понятиями, а его тексты представляют собой довольно герметичные сочинения, полные мистицизма, поскольку в их основании лежат аксиомы, с которыми по определению требуется соглашаться. И в этом смысле признаваемые им необходимыми для обновления России вера, любовь, свобода, совесть, родина, национализм, правосознание, государство и частная собственность – действительно очень удобные для современной политической риторики российской элиты категории. А для самого Ильина – красноречивая иллюстрация недопустимости фактической безответственности интеллектуала перед народом, о судьбе которого он считал возможным публично высказываться, пренебрегая в действительности и его национальным достоинством и его национальной историей во имя утверждения исключительного права «лучших» на любые общественные преобразования.

Список литературы

Будрайтскис, 2016 – Будрайтскис И.Б. Страшная сила очевидности. Читая Ивана Ильина // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. Декабрь 2016. № 11: Ни войны, ни мира. С. 151–167.

Ильин, 1923/24 – Ильин И.А. Памяти П.И. Новгородцева // Русская мысль. Прага, 1923/24. Кн. IX–XII. С. 369–374.

Ильин, 1933 – Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух. I // Возрождение. 1933. URL: <http://iljinru.tsygankov.ru/works/vozt170533full.html> (дата обращения: 07.07.2021).

Ильин, 1991 – Ильин И.А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. № 7. С. 51–55.

Ильин, 1992а – Ильин И.А. Надо готовить грядущую Россию // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. Т. 2. М.: МП “Рагор”, 1992.

Ильин, 1992б – Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. Т. 1. М.: МП “Рагор”, 1992. 616 с.

Ильин, 1992в – Ильин И.А. Самобытность или оригинальничание? // Начала. 1992. № 4. С. 59–63.

Ильин, 1994а – Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С. 149–414.

Ильин, 1994б – Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С. 38–283.

Ильин, 1994в – Ильин И.А. Необходимо ограничить публичную дееспособность // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Ч. 2 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С. 13.

² «Пятая» постсоветская империя – идеологическая конструкция А. Проханова.

- Ильин, 1994г – *Ильин И.А.* Творческая идея нашего будущего // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С. 447–481.
- Ильин, 1994д – *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 5 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С. 30–218.
- Ильин, 1999 – *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1999.
- Ильин, 2001 – *Ильин И.А.* Собрание сочинений. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906–1954) / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. 558 с.
- Ильин, 2005 – *Ильин И.А.* Основная задача грядущей России // *Социология власти.* 2005. № 4. С. 169–172.
- Ильин, 2020 – *Ильин И.А.* О России: статьи, речи, главы из книг. М.: Детская литература, 2020. 397 с.
- Ильин, 2021 – *Ильин И.А.* Черносотенство. URL: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=203> (дата обращения: 03.06.2021).
- Кара-Мурза, 2015 – *Кара-Мурза А.А.* Их спор все еще идет... Иван Ильин и Петр Струве о Германии Гитлера // Независимая газета. 26.05.2015. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2015-05-26/9_srog.html (дата обращения: 03.06.2021).
- Колеров, 2021 – *Колеров М.А.* Как и зачем Иван Ильин искал союза с евразийцами в 1923–1925 годах. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2952518.html> (дата обращения: 03.06.2021).
- Поповкин, 2015 – *Поповкин А.В.* Русские философы и фашизм: к проблеме интеллектуального национализма // *Россия и АТР.* 2015. № 2. С. 40–51.
- Русская доктрина, 2016 – *Русская доктрина.* Государственная идеология эпохи Путина / Под ред. О.А. Платонова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. 1056 с.
- Massip, 2000 – *Massip M.* La vérité est fille du temps. Alexandre Kasem-beg et l'émigration russe en Occident, 1902–1977/ Préface de Marc Raeff. Geneve: Georg, 2000. 758 p.

Ivan A. Ilyin: The Social Ideal of “Aristocrat of the Spirit”

Anastasia V. Ugleva

Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: aengovatova@hse.ru

This author examines understanding of social ideal in the ethical and political theory of Ivan Aleksandrovich Ilyin, emigre and ideologist of the “white” movement. Ilyin thought that the best possible social structure would emerge as a probable outcome of the activity of so-called “aristocracy of the spirit”. The article doubts the possibility of creating the public ideal through the energies of an intellectual who lost touch with the people. The people charged with the duty of obedience and respect to authorities, and with a command to love each other, and believe in God, the Tsar and the Fatherland, all these considered the basis of national unity, are actually denied their dignity. Ilyin’s shady speeches, as well as his contacts with Nazis cast doubts on the appropriateness of his ideas to serve as a guiding light of present political reforms in Russia.

Keywords: Ivan Ilyin, social ideal, good, sense of justice, nationalism, solidarity

References

- Budrajtskis I. Strashnaja sila ochevidnosti. Chitaja Ivana Il’ina [The Terrible Power of Evidence. Reading Ivan Ilyin], *Raznoglasija. Zhurnal obshhestvennoj i hudozhestvennoj kritiki* [Disagreements. Journal of Public and Art Criticism], december 2016, no. 11: Ni vojny, ni mira, pp. 151–167. (In Russian)
- Il’in I. *Chernosotenstvo* [Black Hundreds]. Available at: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=203> (accessed 03.06.2021). (In Russian)

Ильин И. Nacional-socializm. Novyj duh. I [National Socialism. New Spirit. I]. In: Ильин И. *Vozrozhdenie* [Renaissance] (Paris), 1933. Available at: <http://iljinru.tsygankov.ru/works/vozz170533full.html> (accessed: 07.07.2021). (In Russian)

Ильин И. Nado gotovit' grjadushhuju Rossiju [We Must Prepare the Coming Russia]. In: Ильин И. *Nashi zadachi. Istoricheskaja sud'ba i budushhee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov* [Our Tasks. Historical Fate and Future of Russia. Articles 1948–1954], in 2 vols., vol. 2. Moscow: Papor Publ., 1992. (In Russian)

Ильин И. Neobhodimo ogranichit' publicchnuju deesposobnost' [It is Necessary to Limit Public Legal Capacity]. In: Ильин И. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Complete Works in 10 vols.], vol. 2, ed. by Yu. T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1994. (In Russian)

Ильин И. *O Rossii: stat'i, rechi, glavy iz knig* [About Russia: Articles, Speeches, Chapters from Books]. Moscow: Detskaja literatura Publ., 2020. 397 p. (In Russian)

Ильин И. O soprotivlenii zlu siloju [Resistance to Evil by Force]. In: Ильин И. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Complete Works in 10 vols.], vol. 5, ed. by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1994, pp. 30–218. (In Russian)

Ильин И. O sushhnosti pravosoznanija [On the Essence of Conscience of Law]. In: Ильин И. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Complete Works in 10 vols.], vol. 4, ed. by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1994, pp. 149–414. (In Russian)

Ильин И. *Osnovnaja zadacha grjadushhej Rossii* [The Main Task of the Coming Russia], *Sociology of Power*, 2005, no. 4, pp. 169–172. (In Russian)

Ильин И. Pamjati P.I. Novgorodceva [In Memory of P.I. Novgorodtsev], *Russkaja mysl'*. Praga, 1923/24, t. IX–XII, pp. 369–374. (In Russian)

Ильин И. Pis'mo k L.Y. Gurevich ot 5 ijunja 1917 [Letter to L.Y. Gurevich dated June 5, 1917]. In: Ильин И. *Sobranie sochinenij: Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903–1938)* [Collected Works: Diary. Letters. Documents (1903–1938)], ed. by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1999. (In Russian)

Ильин И. Put' duhovnogo obnovlenija [The Way of Spiritual Revival]. In: Ильин И. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Complete Works in 10 vols.], vol. 1, ed. by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1994, pp. 38–283. (In Russian)

Ильин И. Samobytnost' ili originalnican'e? [Identity or an Attempt to be Original?], *Nachala*, 1992, no. 4, pp. 59–63. (In Russian)

Ильин И. *Sobranie sochinenij. Stat'i, lekcii, vystuplenija, recenzii (1906–1954)* [Collected Works. Articles, Lectures, Speeches, Reviews (1906–1954)], ed. by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 2001. 558 p. (In Russian)

Ильин И. Tvorcheskaja ideja nashego budushhego [A Creative Idea for our Future]. In: Ильин И. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Complete Works in 10 vols.], vol. 7, ed. by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1994, pp. 447–481. (In Russian)

Ильин И. Za nacional'nuju Rossiju. Manifest russkogo dvizhenija [For National Russia. Manifesto of the Russian Movement], *Word*, 1991, no. 7, pp. 51–55. (In Russian)

Kolerov M. *Kak i zachem Ivan Il'in iskal sojuza s evrazijskimi v 1923–1925 godah* [How and Why Ivan Ilyin Sought an Alliance with the Eurasians in 1923–1925]. Available at: <https://regnum.ru/news/innovatio/2952518.html> (accessed 03.06.2021). (In Russian)

Massip M. *La vérité est fille du temps. Alexandre Kasem-beg et l'émigration russe en Occident, 1902–1977*, préf. de Marc Raëff. Geneve: Georg, 2000. 758 p.

Popovkin A. Russkie filosofy i fashizm: k probleme intellektual'nogo soblazna nacionalizma [Russian Philosophers and Fascism: Towards the Problem of the Intellectual Temptation of Nationalism]. In: Popovkin A. *Rossija i ATR* [Russia and the Pacific], 2015, no. 2, pp. 40–51. (In Russian)

Russkaja doktrina. Gosudarstvennaja ideologija jepohi Putina [Russian Doctrine. State Ideology of the Putin Era], ed. by O.A. Platonova. Moscow: Institut russkoj civilizacii Publ., 2016. 1056 p. (In Russian)